

В детстве, едва умолкал последний школьный звонок, родители сразу забрасывали Мишу Ширвиндта на дачу. В город он возвращался 30 августа. Подсчитал, что в общем прожил на даче несколько лет. Теперь же появляется тут, лишь когда позволяет время.

Вот и на этот раз в родовое гнездо заглянул по делам — забрать кое-что из вещей. Мы составили ему компанию. Визит получился ностальгическим.

«Молюсь на ужасные дороги»

От Москвы до загородного дома Ширвиндтов — 60 км. Стоит там поселок под названием «Наука. Искусство. Литература» — сокращенно НИЛ. Его основатель — Владимир Николаевич Семенов, прадед Михаила Ширвиндта по маминей линии, главный архитектор Москвы в 30-х годах прошлого века. Именно здесь в 1935 году под строительство дачного поселка выделили более 100 гектаров земли.

Михаил Ширвиндт:

«Моя родина»

— Все годы, что существует поселок, мы страдали от дорог, — рассказывает по пути в НИЛ Михаил. — Они чудовищные: сплошные овраги, холмы, ямы... Их бесконечно чем-то засыпают, потом все это вымывается. Но сейчас я на эти дороги молюсь. Они не позволяют въезжать в поселок на роскошных авто и строить там новую русскую жизнь. Метастазы новорусскости уничтожили Николину Гору, Красную Пахру. А наш поселок держится...

Нет худа без добра — именно ужасные дороги сделали из Михаила первоклассного водителя.

— Права я получил 25 лет назад, — вспоминает он, аккуратно пробираясь по колдобинам к дому. — Но это ничто по сравне-

нию с моим опытом вождения. Отец доверил мне свою «Победу», как только я стал чуть-чуть соображать, что вообще происходит в мире. Помню, он сажал меня на колени, и я рулил. Эти дороги я знаю наизусть. Страшно вспомнить, как мы гоняли по ним в детстве. Мы выключивали у родителей машину, чтобы помыть ее на пруду. Но сначала час рассекали по поселку и окрестностям, а потом за 30 секунд машина мылась и возвращалась на место.

Все, приехали!

«Зимой дача законсервирована»

В то время как в Москве с деревьев уже всюю облетала

листва, за городом осень только начала брызгать на них желто-оранжевым. Первое ощущение — мы высадились в лесу. Из-за величественных осин, берез и елей двухэтажную дачу Ширвиндтов почти не видно. Михаил утверждает: здесь до сих пор есть места, где не ступала нога человека.

— Помню, как с двоюродным братом и соседской девочкой мы ходили в поход по участку. На детских снимках, где мы уходим в лес, я — строго посередине, потому что боялся нападения сбоку, — смеется он. — Мы проридались по чаще вдоль забора, разводили костер, пекли картошку, и нас целый день никто не видел...

Если бы не эта дача, сам Михаил, возможно, и не появился бы на свет. Именно здесь в 50-х познакомились его родители — Александр Анатольевич и Наталья Николаевна. История их знакомства — семейная легенда.

— Здесь жил знаменитый актер-вахтанговец Дмитрий Николаевич Журавлев, — с удовольствием пересказывает ее Михаил. — А бабушка по папиной линии дружила с их семьей, часто отдыхала у них на даче и брала с собой сына, моего отца. У них была своя компания. Молодежь танцевала под патефон ночью у костра. Именно благодаря этому патефону возникло много дачных романов. На одном из вечеров познакомились

«Отец поднимается в 5 утра и уходит в баню»

В поселке стояло два немецких полка. Но их так быстро погнали, что они не успели навредить.

Дом Ширвиндтов стоит на улице с поэтическим названием Овражный тупик. Вторую половину дома занимают дядя, тетя и двоюродный брат Михаила Александровича. Но сейчас в доме пусто — дачный сезон здесь заканчивается в середине октября, когда в поселке отключают воду.

— Летний водопровод появился лет 20 назад, а до того мы чапали к колодцу, совершенно жуткому, около 35 метров в глубину, вырыт он был на холме, — вспоминает Михаил. — Целое дело было — достать оттуда воду. Да и газ до сих пор не проведен. Витала идея газификации, но согласие дали только несколько семей, и себестоимость получалась просто катастрофической. Мы пользуемся баллонным газом, одного большого баллона хватает на все лето. Зимой дача законсервирована — печка есть, но она не прогревает дом. Хотя в январе тут красиво — сугробы выше пояса...

и мои родители. Отец стал часто заезжать к маме в гости на дачу. Через несколько лет они поженились. Как говорит отец, определяющим моментом стало то, что родители мамы держали на даче корову. Он обожал и до сих пор обожает молоко во всех его видах.

«Копая землю, находим пули»

Основу дома — здоровенный пятистенок — прадед Михаила Ширвиндта перевез из какой-то деревни. Он же построил и знаменитую террасу, изображение которой не раз появлялось в специализированных журналах, в том числе и зарубежных. Она кажется хрупкой, практически невесомой. «Мы долгие годы ее латали, — рассказывает Михаил. — А несколько лет назад мой брат, тоже архитектор, эту террасу полностью разобрал и собрал заново, не изменив при этом ни одного штриха».

На стене дома — то ли царапины, то ли вмятины.

— Это следы от осколков снарядов, — объясняет Ширвиндт-младший. — Во время войны в поселке стояло два немецких полка. Но их так быстро погнали, что они не успели навредить. Нашу дачу они превратили в столовую. Когда дедушка приехал, на столе стояли недопитый кофе и яичница. После немцев осталась алюминевая вилка со свастикой. Ее выбросили родители, потому что у нас с братом доходило до драки — чья очередь есть этой вилкой. Сейчас, копая землю, постоянно находим пули. Я был подростком, когда мы копали ямку для груши и наткнулись на что-то металлическое. Сначала решили, что это клад, а вырыли невзорвавшийся снаряд. Он пролежал у нас вместе с воткнутым рядом флагом недели две. Наша сторожиха, жившая в избушке рядом с дачей, испугалась и перебралась в погреб. Тем временем отец понятия не имел, что происходит на даче — кажется, он был где-то на гастролях. Потом кто-то наступал, и за бомбой приехали саперы. Нам с братом было смешно наблюдать, как ее осторожно, словно пушинку, несут и укладывают в грузовик с песком.

Лабрадор Чесс не может дожидаться, когда Михаил Ширвиндт и Антон Табаков уйдут в дом

фото Ильи Шпиза и из семейного архива Михаила Ширвиндта

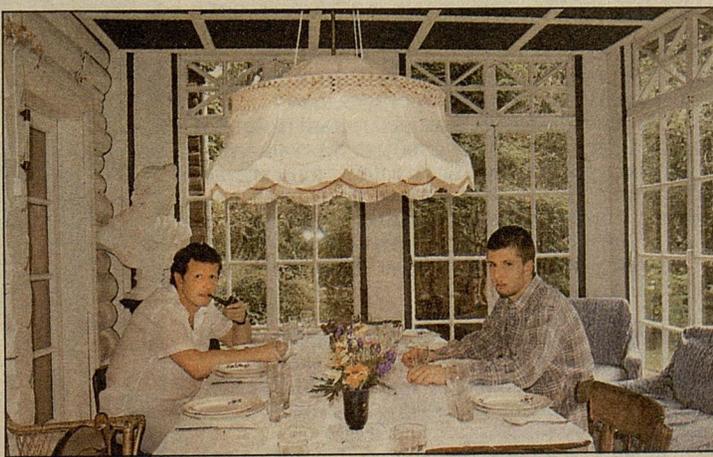
Ширвиндт Михаил (дед)

«Не ненавижу дачные работы!»

фото на развороте Ильи Шпиза

Собраться всей семьей на даче удается нечасто

Об этой террасе знают даже за границей

НИЛ »

Мы ее ворочали и так, и эдак, а дед протирал тряпкой. Часа через два бомбу жажнули километрах в 50, у нас стекла задрожали. Сказали, что, если бы она взорвалась на участке, не спаслась бы и сторожиха в погреб.

— Страшно не стало?

— Не-а. Пожалели только, что не видели, как ее рванули. Мы к этой бомбе привыкли, она уже такая родная стала. Думаю, если бы мы начали копать хотя бы на метр в сторону, она до сих пор лежала бы в земле. И сколько чего до сих пор там лежит — неизвестно.

«Тут воровать нечего»

Вообще, «преданья старины глубокой» на участке Ширвиндтов присутствуют повсюду. Есть даже крокетная площадка. Впрочем, в крокет теперь никто не играет. У нынешних обитателей и гостей дачи он не прижился. А чтобы место не пустовало, на растущее здесь дерево надели баскетбольное кольцо. Сам Михаил Александрович — большой любитель поклясть мяч. Говорит, за время, что он играет с компанией в «21», еще ни разу не проиграл.

По периметру дачного участка Ширвиндтов — забор с латаной-перелатаной сеткой, которую в принципе ничего не стоит преодолеть.

— Не бойтесь домушников?

— Криминалитет в округе уже знает, что у нас брать нечего, — смеется Михаил. — А раньше влезали на дачу каждый год. Причем поведение домушников менялось в зависимости от времени существования нашей страны. Сначала залезали просто покрушить — такая классовая ненависть. Это было страшно. Помню, как-то позвонили соседи, сообщили, что в нашем доме выбито окно. Я приехал. Если для какого-нибудь фильма снимать разгром, что я увидел, никто не поверит. Скажут, перебор: шкафы валялись на полу, посуда была разбита, перемешана с рваными одеялами, подушками. Когда стало тяжело с продовольствием, на дачу залезали в надежде раздобыть еду или алкоголь. После появи-

Криминалитет в округе уже знает, что у нас брать нечего. А раньше влезали на дачу каждый год.

лись эстеты, которые искали антиквариат. Помню одного милого вора. Он вынул стекло, аккуратно прислонил его к стене, а гвоздики трогательно сложил в кучку. И упер энциклопедию Брокгауза и Ефрона. Мы, конечно, тоже молодцы — нашили, где ее хранить! Ничего ценного больше в доме нет...

В сознании, наверное, большинства россиян дача — это грядки. Но у Михаила Ширвиндта за все детские годы, проведенные здесь, к грядкам выработалась стойкая аллергия:

— Для нас с братом любые дачные работы были пыткой. Нужно было вскапывать огород, выдергивать по 50 елочек в день, которыми зарос весь участок, снимать дерн и посыпать дорожки песком. А поскольку травка, зараза, начинала пробиваться уже на следующий день, нам нужно было подчищать ее тяпкой. Друзья гоняли на велосипедах, купались, а мы занимались черт-те чем. Как-то сидели с братом устальные на террасе и мечтали — вырастем, снимем с участка всю растительность и заложим его брусчаткой, как на Красной площади. И раз в неделю будем ходить с леечкой — знаете, с длинным таким носиком, и соляной кислотой проливать швы, чтобы ничего не пробилось. Парник для меня — вещь невыносимая, он портит ландшафт. Цветочки и укроп — не более того. Хотя до сих пор не люблю гладиолусы и золотые шары — их цветение было для меня знаком приближающегося конца света. Как только они появлялись, я понимал: скоро в школу. А розы и пионы нравятся очень. У меня дед был цветоводом. Посмотреть его розы сбегались со всего поселка. Когда он умер, все по-

тихонечку загнулось. Мама и тетя занимаются цветами, но с тем, что было при деде, не сравнить.

«Дрова заготовил ураган»

— А шашлыками, уверен, занимаетесь исключительно вы? — киваю на мангал, стоящий возле дома.

— Если нет Антона Табакова. Кстати, был интересный случай... Два года назад Антон приехал ко мне на день рождения и привез с собой замаринованное мясо для шашлыков. Но у него не было собак, и он не знал, чего от них можно ожидать. Переложив мясо в тазы, он оставил их на улице и ушел в дом. Каково же было его удивление, когда, вернувшись, обнаружил чистейшие тазы. Собаки съели четыре килограмма маринованной баранины!..

Для мангала Ширвиндты используют только дрова. Говорят, что уголь, который продается в супермаркетах, не дает аромата и вкус у шашлыка получается хуже. По счастью, проблем с дровами у известного семейства нет. Их заготовкой озаботился... ураган пятилетней давности.

— Это удивительная история, — вспоминает Михаил Александрович. — Я работал в студии в Москве. И тут с дачи звонит сын: «Ужас! У нас деревья летают, сейчас разрушится дом!» Я помчался туда. По дороге не заметил ничего похожего на следы урагана. Подъезжаю к поселку и вдруг вижу лежащие деревья. Машину пришлось оставить на въезде, потому что проехать было невозможно. Я минут сорок продирался до нашего участка. Как потом выяснилось, это был локальный ураган, только над нашим поселком, и я не понимаю, как это возможно с метеорологической точки зрения. У нас было повалено около 50 деревьев. В течение года они пилились, рубились, и мы до сих пор обеспечены дровами. Нашу любимую старую сосну вырвало и отнесло на 15 метров. Дому повезло, если бы на него упали деревья — он расплушился бы в блин. Одно дерево незначительно повредило крышу бани. Кстати, в

ней отец сейчас пишет свою книгу — это его любимое место. Он ранняя пташка, поднимается в 5 утра и уходит в баню.

В день нашего визита на дачу еще один ее обитатель — лабрадор Чесс, без зазрения совести умявший маринованную баранину Табакова, — остался в городе. Хотя для него дача — такое же святое место, как и для его хозяина. Если Чессу вечером сказать «дача», он уже с утра начинает нервничать. Ходит за Михаилом, его супругой Татьяной и беспрестанно тыркает носом в руку — чтобы, чего доброго, его не забыли дома.

— А вот дети относятся к даче более спокойно, — говорит Михаил. — Если мне повезло — когда я был маленький, у меня были друзья-сверстники, то мои дети оказались без компании, с которой можно было бы общаться. Поэтому дача для них не связана с яркими детскими воспоминаниями, как у меня.

Мы присаживаемся на старинную скамейку с чугунными ножками — скоро ее занесут на террасу, где она скоротает зиму. Михаил Александрович достает трубку. Как и отец, он большой любитель трубачного табака. Выпускает дым и после небольшой паузы признается:

— В детстве я очень страдал оттого, что у всех нормальных людей дни рождения были в учебном году, а у меня — летом. А поскольку летние каникулы я проводил на даче, то не мог пригласить в гости одноклассников. Сейчас, наоборот, я счастлив, что могу отмечать свой праздник на природе. К сожалению, очень редко получается сюда вырваться. Но начиная с марта у меня появляется какой-то зуд — хочется скорей на волю, хотя бы дня на два. Стараемся совпасть по времени с родителями. И для меня родина — не березки или все эти символические клише, которыми обычно определяется родина, а именно дача.

■ Сергей Пустовойтов.